

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ ОНТОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 1:167; 165

doi: 10.55959/MSU0201-7385-7-2024-6-36-57

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

Т.А. Вархотов, С.М. Гавриленко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991,
Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский», г. Москва,
Россия

Аннотация. В статье дается оценка актуального состояния дискуссий в области онтологии и эпистемологии науки в контексте исторической эволюции предмета и методологических установок науковедческих исследований с эпохи Просвещения до современного положения дел. В центре внимания находится спор о реальности и реализме, а позиции его участников рассматриваются в связи с изменениями в этико-методологических установках о допустимых способах работы воображения. В контексте истории отношений реальности и воображения, то есть онтологической и эпистемологической проблематики, дается краткий отчет об актуальных направлениях исследований и результатах научной работы двух тесно связанных между собой исторически, тематически и профессионально кафедр философского факультета — кафедры онтологии и теории познания и кафедры философии и методологии науки.

Ключевые слова: онтология, теория познания, философия науки, методология, эпистемология

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE ONTOLOGY AND GNOSEOLOGY

Original article

IN SEARCH OF LOST INTEGRITY

T.A. Varkhotov., S.M. Gavrilenko

Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, Moscow, Teaching and Scientific Building “Shuvalovsky”, 119991, Russia

Abstract. The article assesses the current state of debate in the field of ontology and epistemology of science in the context of the historical evolution of the subject and methodological guidelines of science studies from the Enlightenment to the present state. The focus is on the dispute over reality and realism, and the positions of the participants in the dispute are considered in connection with changes in the ethical and methodological guidelines on acceptable ways of managing the imagination. In the context of the history of the relationship between reality and imagination, i.e. ontological and epistemological issues, a brief report is given on the current research directions and the results of scientific work of two closely related historically, thematically and professionally departments of the Faculty of Philosophy — the Department of Ontology and Theory of Knowledge and the Department of Philosophy and Methodology of Science.

Keywords: ontology, theory of knowledge, philosophy of science, methodology, epistemology

Не будет серьезным преувеличением сказать, что в современном мире наука в некотором смысле является всем, а всё — наукой. Вопреки расхожим представлениям, наука давно уже не совпадает ни с областью передовых профессиональных исследований («передним краем»), ни с собственными традиционными институтами (университетами и научно-исследовательскими институтами). Наука «разлита» вокруг нас в многообразии созданных и поддерживаемых с ее помощью объектов, включая в этом качестве нас самих. «Вооруженные наукой акторы — ученые, инженеры, разнообразные эксперты, политики, чиновники, врачи, гигиенисты, эпидемиологи, маркетологи, бизнесмены, военные и т.д. — продолжают открывать и захватывать новые области: от орбиты до недр, от планеты до частиц, от ментальностей до политик. Они перестраивают их в соответствии с научными или квазинаучными стандартами и подчиняют своему управлению и исчислению. <...> Научные знания (особенно визуализированные) и техника — распорки, удерживающие этот

расширенный мир от схлопывания. Одновременно наука проникла и глубоко внутрь наших тел и ментальностей. Если мы даны себе как объекты заботы и познания, то наука претендует на их монополизацию» [1, 4]. Всеобъемлющий характер и кажущееся всеисие науки парадоксальным образом сочетаются с ее слабостью, отражающей фундаментальную уязвимость позиций знания в современном мире: наука всегда под вопросом, ее авторитет оспаривается, ее подозревают в ангажированности, уличают в нехватке онтологической обеспеченности, лишают автономии, демократизируют, требуя признания общественного мнения, других видов знания и связанных с ними сообществ. Вокруг поддерживающей целостность нашего мира науки постоянно идут процессы децентрализации и фрагментации. Современный взгляд на науку пронизан разногласиями [1, 16–21], и эта ситуация полна горькой исторической иронии, поскольку наука начиналась как предприятие по поиску надежного универсального основания социального согласия [2, 183–184].

Современная ситуация в области профессиональной философии и во многом эпистемологии гуманитарных и общественных наук в целом представляет собой странную форму интеллектуального гедонизма¹ в условиях нарастающего дефицита ценности собственных предметных областей. После того, как в третьей четверти XX в. в целом потерпел крах философский проект обоснования науки как знания, непосредственно извлеченного из действительности и в конечном счете надежно и адекватно отражающего ее устройство, произошло своего рода освобождение воображения², ранее сдерживаемого дисциплиной наблюдения и индукции. Как писал об этом ныне пересмотренном начале «позитивной» фазы человеческой интеллектуальной истории О. Конт, «чистое воображение теряет

¹ Мы используем этот термин в том смысле, который был придан ему в учении киренаиков и который пользовался популярностью в эпоху Ренессанса, будучи впоследствии вытеснен неозпикурейской трактовкой, связанной с реформационным движением и формированием этики, ассоциированной со спецификой интеллектуальной культуры Нового времени: «...смысл жизни состоит в избавлении от всех нравственных, социальных и религиозных предрассудков... <...> Философия гедонизма есть “пессимизм наизнанку”, есть психология “пира во время чумы”, так как погоня за немедленными, сиюминутными удовольствиями происходит из неверия в будущее» [4, 78–79].

² Мы вслед за И. Кантом используем термин «воображение» для концептуализации способности предпонятийного представления, «собираения» предмета, однако учитываем и характерную для эпохи Просвещения в целом более широкую трактовку воображения как опирающейся на чувственный опыт продуктивной способности порождения, результатом работы которой могут быть как «хорошие», так и «плохие» представления, о чем речь пойдет ниже.

тогда безвозвратно свое бывшее первенство в области мысли и неизбежно подчиняется наблюдению (таким путем создается вполне нормальное логическое состояние)...» [3, 74]. В приведенной цитате Конта в равной степени значимы оба акцента: уверенность в необходимости сдерживать воображение в границах наблюдения и интерпретация перехода от наблюдения к знанию как логической, то есть рациональной операции. Однако в течение следующего столетия обе позиции показали свою критическую уязвимость.

Эпистемологический страх, с которого в XVIII столетии начиналось движение к индуктивистской дисциплине, призванной отделить «объективные факты» наблюдения от порожденных капризной субъективностью исследователя химер воображения [5], требовал от научного факта безусловной и независимой от наблюдателя принадлежности самой действительности. При этом продуктивность «активного воображения», способного производить научные теории и произведения искусства, противопоставлялась «пассивному воображению», являющемуся источником «жестоких страстей, фанатизма, заблуждений и чудовищ» [5, 79]. В XIX столетии это отношение перевернулось, точнее, «пассивное воображение» было просто изгнано, а «активному» сопоставлена смиряющая его активность дисциплина, а в XX в. перевернулось вновь, поскольку пришлось признать, что познавательная деятельность не может быть в полной мере дисциплинирована наблюдением (и, шире, экспериментальными данными), если эти последние едва ли могут быть получены независимо от познавательной деятельности.

Одним из новых источников управления воображением в этой ситуации оказались социальные факторы. Еще в 1930-х гг. в германоязычном науковедении были сформированы конструктивистские идеи о социальной родословной фактов: «Познание — это наиболее социально обусловленная деятельность человека; оно является, прежде всего, социальным продуктом» [6, 67], — писал в 1935 г. Л. Флек. — «Пользуясь языком первых наблюдений, нельзя получить итоговые результаты, и наоборот, на языке итоговых результатов нельзя выразить эти первые наблюдения» [6, 112].

Окончательная же точка в вопросе о возможности строгого подчинения воображения наблюдению была поставлена в 1970-х гг. Сачала П. Фейерабенд завершил начатое Флеком оформление тезиса о теоретической нагруженности фактов и невозможности в строгом смысле слова осуществления независимого наблюдения (соответствующего «принципу автономии» фактов). В знаменитой работе 1975 г. он пишет: «...наука вообще не знает “голых фактов”, а те “факты”, которые включены в наше познание, уже рассмотрены

определенным образом и, следовательно, существенно концептуализированы» [7, 37]. «Факты и теории не только постоянно расходятся между собой, они никогда четко и не отделены друг от друга» [7, 77].

Представители следующего поколения исследователей научного знания продолжили развитие этого тезиса: факты конструируются в процессе познавательной деятельности, а не извлекаются из существующей независимо от нее действительности. Природа не предшествует исследованию, а выступает «следствием разрешения разногласий» [8, 166]; факты — не средства независимой проверки, а «союзники» в непрекращающихся спорах на «научной кухне»: «...ученые и инженеры говорят от имени новых союзников, которых они сами формируют и призывают под свои знамена; выступая как представители в окружении других представителей, они используют эти новые неожиданные для других ресурсы, чтобы склонить чашу весов в свою пользу» [8, 153]. Значительная часть исследователей придерживается более осторожного (или более консервативного, реалистического) взгляда на онтологию факта и эпистемологию экспериментальной деятельности, однако и среди реалистов общим местом является признание активного характера наблюдения и иных научных практик, всегда являющихся формой вмешательства в действительность, а не пассивной регистрации реальности [9, 41–43]. Не наблюдение дисциплинирует воображение, скорее все обстоит прямо наоборот.

В свою очередь, судьба проекта индуктивного обоснования знания оказалась еще более трагической и неотвратимой, чем связанного с ним «закона» (по выражению Конта) подчинения воображения наблюдению. Усилия нескольких поколений исследователей, пытавшихся представить материальную индукцию как логическую, то есть как строго рациональную, познавательную операцию, разбились о неустранимость дистанции между наблюдениями и выражающими их описаниями при невозможности установления какого-либо точного соответствия между ними.

В классической работе 1934 г. К. Поппер пишет: «Часто считают, что чувственный опыт так или иначе оправдывает базисные высказывания. Утверждается, что такие высказывания “основываются” на этом опыте, что истинность их становится “явной” в процессе этого опыта, что опыт делает их истинность “очевидной” и т.п. Все утверждения такого рода четко выражают тенденцию подчеркивания тесной связи между базисными высказываниями и нашим чувственным опытом. Однако вместе с тем справедливо считается, что высказывания могут быть логически оправданны только при помощи высказываний. Поэтому связь между восприятиями и вы-

сказываниями остается весьма туманной, она описывается при помощи неясных выражений, которые ничего не проясняют, а только маскируют трудности или в лучшем случае описывают их в общих чертах при помощи метафор» [10, 41]. Разумеется, если связь между «базисными высказываниями» и выражаемым ими опытом не является строгой, а индуктивный переход от представленного базисными высказываниями «известного» к обобщенному «неизвестному» «не является чисто логической истиной типа тавтологии или аналитического высказывания», если он «совершенно излишен» и, кроме того, «неизбежно ведет к логическим противоречиям» [10, 25], то вполне оправданным представляется и окончательный диагноз: «С моей точки зрения, индукции вообще не существует. Поэтому выведение теорий из сингулярных высказываний, “верифицированных опытом” (что бы это ни означало), логически недопустимо. Следовательно, теории никогда эмпирически не верифицируемы» [10, 37]. За разгромом индуктивного обоснования знания у Поппера следует два важных вывода. Первый касается эпистемологического статуса научного знания, которое обречено на временность и непреходящую подозрительность, поскольку скорее всего оно будет опровергнуто и замещено другим: «Старый научный идеал *epistēmē* — абсолютно достоверного, демонстративного знания оказался идолом. Требование научной объективности делает неизбежным тот факт, что каждое научное высказывание должно всегда оставаться временным» [10, 259]. Второй представляет собой своего рода этическую компенсацию эпистемологического поражения, зафиксированного в первом: «Ошибочное понимание науки выдает себя в стремлении быть всегда правым. Однако не обладание знанием, неопровержимой истиной делает человека ученым, а его постоянное и отважное критическое стремление к истине» [10, 259]. Этот последний тезис допускает двоякую интерпретацию: он апеллирует к квазирелигиозной моральной максиме «критического стремления к истине», но и открывает ящик Пандоры, недвусмысленно квалифицируя любые познавательные усилия как историчные и лишённые права претендовать на истину, то есть целиком расположенные «на стороне субъекта»³.

³ Адепты социального конструктивизма найдут в К. Поппере, возможно, неожиданного, но несомненного союзника, ясность позиции которого в вопросе о роли научного сообщества в производстве знания заставляет осторожнее оценивать степень оригинальности и новизны идей создателей направления *Science and Technology Studies*: «Мы не наталкиваемся неожиданно на наши восприятия и не плывем пассивно в их потоке. Мы действуем активно — мы “делаем” наш опыт. Именно мы всегда формулируем вопросы и задаем их природе, и именно мы снова и снова ставим эти вопросы так, чтобы можно было получить ясное “да” или “нет” (ибо природа не дает ответа, если ее к этому не принудить)» [10, 259].

Обескураживающие для классического реализма результаты позитивистского проекта обоснования науки и десакрализация науки и научных практик историками и социологами вылились в радостную констатацию того, что «король-то голый»: «Наука не обладает каким-либо превосходством благодаря своему методу, ибо такого метода не существует; она не обладает превосходством благодаря своим результатам: мы знаем, что делает наука, но не имеем ни малейшего представления о том, не могли ли другие традиции сделать больше» [11, 158]; «...сегодня наука господствует не благодаря своим достоинствам, а благодаря жульнической рекламе» [11, 152].

Провозглашенное Фейерабендом и подхваченное значительной частью науковедческих исследований начиная с 1970-х гг. радикальное переопределение науки, под которым правильно будет понимать низвержение позитивистского, исторически первого проекта обоснования или *теории* науки⁴, вылилось в поиски альтернативных точек опоры для эпистемологии или как минимум подходов к опредмечиванию науки (ответов на вопрос, что она такое в феноменологическом смысле — где и в чем именно ее искать) и подходов к механизмам воспроизводства знания. Это повлекло за собой стремительную социализацию науки в науковедческих исследованиях, по мере утраты монопольных прав на истину и реальность все явственнее превращающейся в социально-политический институт, обремененный соответствующими механизмами — зависимостью от общественного мнения, политической ответственностью⁵, борьбой за власть и признание [12], экономическими издержками и производством, сменившими характерную еще для первой половины XX в. «сциентистскую убежденность в том, что с помощью науки можно решить все проблемы человеческого общества, включая и собственно экономические проблемы» [13, 21] и т.д. Становясь все более социальным, знание постепенно теряло онтологическое измерение — то, что должно было стать основанием социального согласия [2], и само

⁴ Вопрос о соотношении «науки» и «теории науки» в какой-то степени является частным случаем принадлежащего теории науки болезненного вопроса о соотношении знания и действительности как его предполагаемого предмета, нередко сама возможность такой постановки вопроса рассматривается как устаревшая и неперспективная. Однако скепсис в отношении возможности установить различие между знанием и предметом в случае науковедения преодолевается как минимум несколькими значимыми несовпадениями: сообществ ученых и науковедов, результатов (предметного содержания) науки и науковедения и эксплицитных моральных установок («этоса») «объектных» ученых и изучающих их философов, социологов, историков и т.д. науки (об этом см. ниже).

⁵ См., например, дискуссию о постнормальной науке в: Эпистемология и философия науки, 2022, Т. 59, № 3.

превращалось в предмет соглашения, обязанный своим существованием дебатам [8], интересам [12], «журналистской рекламе» [11] и другим социальным механизмам. «Знания и артефакты являются человеческими продуктами и отмечены обстоятельствами их производства. В своих самых грубых формах утверждения о социальном конструировании знания вовсе не оставляют места материальному миру в создании знаний о нем», — отмечает во «Введении в исследование науки и технологий» С. Сисмондо. «Почти все работы в STS исходят из более утонченного взгляда, вместо этого исследуя способы, которыми материальный мир используется исследователями для производства знаний» [14, 11].

По мере отдаления реальности от знания и инфляции реализма в философии науки в моду входит эпистемологический коррелят социально-политической либеральной демократии — *множественность*. Гетерогенность, частичность, фрагментарность, контингентность, полиморфизм, децентрализация, многообразие, вариативность — вот лишь небольшая часть современного философского словаря, оформляющая альтернативу консервативным эпистемологическим принципам — целостности, универсальности и единству. Социально ответственная интеллектуальная культура стесняется притязаний на истину как чего-то неприличного, предостерегая профессиональное сообщество от тоталитарных стремлений к универсалиям и тем самым обосновывая собственную бесполезность за пределами политических, связанных с управлением социальным согласием задач (ср: [12, 501]). Удивительным образом эта бесполезность воспринимается внутри гуманитарно-философского сообщества как своего рода эпистемическая добродетель: не претендовать на большее, нежели скромное мнение, маленький фрагмент, скромное общественно-полезное дискурсивное деяние — от медиативных набросков, моделей-посредников [15], то ли нащупывающих, то ли конструирующих фрагменты ускользающей реальности, поскольку «все сложнее отделить сделанное от найденного» [16, 118], и до признания результатов собственной профессиональной деятельности набором басен, иногда оказывающихся полезными [17]. Отдельным вопросом в этой ситуации оказывается «полезными кому», поскольку возникающая в результате освобождения от бремени реализма дискурсивная легкость всегда идет рука об руку с искушением превратить знания в чисто политический, манипулятивный инструмент, поскольку «хорошие числа приносят богатство и процветание, а также оправдывают продвижение (в государственных секторах экономики) или бонусы (в акционерных компаниях и особенно в банках и инвестиционных фондах)» [18, 67].

Страх манипуляции, как и упомянутый выше страх необузданного воображения, — оборотная сторона эпистемологии согласия: субъект тем опаснее, чем в большей степени есть основания подозревать, что кроме него в имеющемся знании может ничего не оказаться; объекты фиктивны, факты и артефакты неразличимы, институциональные границы знания неустойчивы и проницаемы, а все содержания «беспощадно историчны», временны и преходящи — вот лишь некоторые из характеризующих современное состояние истории и философии науки проблем, поднятых в классической статье П. Галисона [16]. И если тональность его работы говорит об обеспокоенности ситуацией, то для многих других авторов все перечисленное, скорее, новая нормальность и вполне конструктивный результат. Например, А.-М. Шмид, признавая, что «для философии настали непростые времена», разворачивает по этому поводу стереотипный дискурс торжествующего многообразия и антиуниверсализма: «В наше время известно, что множество научных проблем больше не находят окончательного обобщения. <...> От стоящей особняком линейности мы переходим к сконструированной множественности, которую мы продолжим конструировать. В таком случае многочисленные одиночества станут причастны к открытой коллективной близости. Отсюда и произойдет возвращение к философиям, которые, однако, будут нейтрализованы и преобразованы в понятийное сырье, чтобы с их помощью реальность и ее знаменитые «проблемы» могли быть косвенно поняты» [19, 35–36]. Цитируемый автор ратует за очередную «новую философию» и показательно снисходительно строг в отношении «старой», «дисциплинарной философии»: «Нет смысла избавляться от нее как от устаревшей, ведь она является бесконечным источником философских понятий и методов, которые, вероятно, будут утеряны без нее. <...> Но нужно попробовать ограничить авторитарные эффекты институциональной философии, настойчиво допуская многообразие философских и научных режимов, преобразуя ее высказывания и устраняя их авторитарное воздействие...» [19, 42].

«Вероятно, будут утеряны» — вот, видимо, все, что цитируемый выше интеллектуальный авангард оставил архаизированной им «дисциплинарной», «институциональной» академической культуре.

В то время как в науковедении доминируют номинализм, конструктивизм и иные с подозрением относящиеся к реализму и универсализму стратегии, позиция самого объекта — сообществ ученых — сохраняет приверженность классическим ценностям научного познания и разительно контрастирует с представлениями своих исследователей.

Характерную, пусть и наивную точку зрения сформулировал нобелевский лауреат С. Вайнберг: «...наука такова, как она есть, не в результате цепочки каких-то состоявшихся по счастливой случайности исторических изобретений, а просто потому, что она — естественное отражение природы. Несмотря на все свои несовершенства, современная наука — это способ познания, достаточно точный, чтобы с его помощью устанавливать достоверные факты об окружающем мире. В этом смысле рано или поздно люди должны были эту технику познания открыть» [20, 11]. Англоязычный оригинал цитируемой работы опубликован в 2015 г., так что один из создателей теории электрослабого взаимодействия придерживался этого архаичного взгляда вовсе не в прошлом веке, хотя для профессиональной философии науки классический реализм в сочетании с кумулятивной теорией развития знания стал архаикой еще в 1930-е гг.

Приведем еще один пример — на сей раз от биолога: «У стороннего наблюдателя происходящее сейчас в биологии «бурление идей» может создать впечатление хаоса, полной ненадежности всех теорий. Но это впечатление обманчиво. Под кажущимся хаосом скрывается закономерный процесс развития науки, который, как и сама биологическая эволюция, часто идет методом проб и ошибок. <...> Из хаоса фактов и идей постепенно выстраивается прочное и строгое здание теоретической биологии. Ну, может быть, не все целиком, но хотя бы ощутимыми блоками, которые в будущем непременно соединятся в нечто целостное» [21, 14].

Судя по приведенным примерам, для научного сообщества истина и универсальность отнюдь не устарели, а реализм остается обычной профессиональной позицией⁶. Причем едва ли можно объяснить эту ситуацию недостаточной информированностью ученых об их предмете (потому что вряд ли кто-то информирован лучше) или об оценках результатов их деятельности (потому что они принимают участие в этих оценках и оба цитируемых выше автора явным образом противопоставляют свою позицию вполне известным им взглядам скептиков и релятивистов).

У представителей гуманитарных наук точка зрения не только не расходится с естественниками, но нередко оказывается даже более резкой. В 2007 г. академик А.А. Зализняк на вручении ему литературной премии имени Солженицына произнес следующее: «Мне хотелось бы высказаться в защиту двух простейших идей, которые прежде считались очевидными и даже просто банальными, а теперь звучат очень немодно.

⁶ Альтернативный взгляд на обсуждаемую ситуацию см.: [22].

1. Истина существует, и целью науки является ее поиск.

2. В любом обсуждаемом вопросе профессионал (если он действительно профессионал, а не просто носитель казенных титулов) в нормальном случае более прав, чем дилетант.

Им противостоят положения, ныне гораздо более модные.

1. Истины не существует, существует лишь множество мнений (или, говоря языком постмодернизма, множество текстов).

2. По любому вопросу ничье мнение не весит больше, чем мнение кого-то иного. Девочка-пятиклассница имеет мнение, что Дарвин неправ, и хороший тон состоит в том, чтобы подавать этот факт как серьезный вызов биологической науке. <...>

От признания того, что не существует истины в некоем глубоко философском вопросе, совершается переход к тому, что не существует истины ни в чем, скажем, в том, что в 1914 г. началась Первая мировая война. <...> По-видимому, те, кто осознает ценность истины и разлагающую силу дилетантства и шарлатанства и пытается этой силе сопротивляться, будут и дальше оказываться в трудном положении плывущих против течения. Но надежда на то, что всегда будут находиться и те, кто все-таки будет это делать»⁷.

Стремление к истине — моральный долг ученого. Этот долг тяжел, потому что стремление противоречиво: сложно сочетать стремление с осознанием недостижимости цели, однако сомнений в безусловной ценности стремления к истине не было ни у последнего поколения «универсалистов» (таких, как М. Вебер или логические позитивисты [23]), ни у доказавшего принципиальную недостижимость истины К. Поппера. В 1927 г. Ж. Бенда упрекал «интеллектуалов» в предательстве — в том, что они отвернулись от стремления к невозможному, благодаря которому «человечество творило зло, но поклонялось добру», тем самым создавая «разлом, сквозь который могла проникнуть цивилизация», и начали вместо этого «потворствовать политическим страстям» [24, 111]. Столетие спустя мы стремимся обратить предательство в верность и найти в обрушившихся на нас множественностях, неопределенностях и неустойчивостях контуры непреходящей мечты о цельности и универсальности, не отказывая в значимости их внутренней сложности и многообразию [23, 40–41].

Невозможность осмысленного полного отказа от реализма и связанных с представлением о реальности интуиций подлинно-

⁷ Зализняк А.А. Истина существует, и целью науки является ее поиск // URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430463/430464?ysclid=m3blx4pi8d383556303

сти, целостности и универсальности (инвариантности) в равной мере в онтологии, эпистемологии и прикладных науковедческих исследованиях неоднократно отмечалась современными исследователями — прежде всего из лагеря сторонников модельного подхода и структурного реализма [25, 173–179]. Я. Хакинг в своей острополюмической работе «Социальное конструирование чего?» приводит длинный список предметов, обозначенных в заголовках различных исследований как результаты социального конструирования — от авторства и братства до природы, кварков, бездомной молодежи и женщин-беженцев, задаваясь затем вопросом, в каком смысле эти предметы «социально сконструированы» и насколько информативной является применительно к ним такая характеристика [26, 1–3]. Предельно обобщенный (и неизбежно упрощенный) ответ Хакинга заключается в том, что постановка вопроса о конструировании, с одной стороны, неизбежно предполагает реалистическую установку в части признания существования чего-то не сконструированного (как минимум, исходной «материи» и «агентов» (ср. с указанием цитированного выше Сисмондо, что большинство конструктивистов все же не предполагают сконструированным «всё» [14, 11])), а с другой, что более важно, приводит либо к трюизму (социальные события очевидно социальны по происхождению — само собой разумеется, что они «социально сконструированы»), либо к формированию специфической «матрицы», в которой социальное отношение к предмету меняет его восприятие, затем, в свою очередь, изменяющее отношение к предмету и т.д. Сам Хакинг называет это «эффектом заикливания» (looping effect): «Эффекты заикливания повсюду. Подумайте, что категория гениальности сделала с теми романтиками, которые считали себя гениями, и что их поведение, в свою очередь, сделало с самой категорией гениальности. Подумайте о трансформациях, вызванных понятиями “толстый”, “избыточный вес”, “анорексия”. Если кто-то говорит о социальной конструкции гениальности или анорексии, он, вероятно, говорит об идее, индивидах, подпадающих под эту идею, взаимодействии между идеей и людьми и многообразии социальных практик и институтов, которые включают эти взаимодействия: короче говоря, матрица» [26, 34]. Такие заикленные матрицы, безусловно, играют существенную роль в социальной действительности, но они не имеют дела с вещами, о которых говорят, а работают лишь с дискурсивными эффектами этих вещей: так конструируется социальная реальность, но ровно и именно в той мере, в какой она не совпадает с природной реальностью и готова подменить ее: анорексия как психофизиологическое состояние и как социальное явление — разные вещи, хотя

второе способно в том числе причинять первое, создавая своего рода отдельную, «внутриматричную» «анорексию-2», в которой расстройство приема пищи «зациклено» на ассоциированных с ним социальных установках и практиках.

Альтернативу конструктивистским и антиреалистическим стратегиям в современной философии науки составляют структурный реализм и модельный подход, представленный широким кругом исследователей, включая цитированных выше Й. Хакинга, П. Галисона, П. Годфри-Смита и многих других. Модельный подход позволяет совместить признание активной роли познающего субъекта, историзма и фрагментарности наличного знания с реалистической познавательной установкой и допущением существования инвариантов различной степени общности, доступных теоретической фиксации. Такая позиция совместима как с приведенными выше эпистемологическими установками ученых, так и с конструктивной частью аргументации адептов антиреализма.

Как показывают исследования сотрудников Московского университета, российские ученые даже более консервативны в части познавательных установок и воспроизводства классического научного этоса, чем их зарубежные коллеги [27]. С присущей классическому университету долей консерватизма свой скромный вклад в развитие онтологии, эпистемологии и науковедения вносят и две связанные общей историей кафедры философского факультета: *онтологии и теории познания* и *философии и методологии науки*⁸.

В числе ключевых направлений исследований сотрудников кафедры философии и методологии науки — развитие модельного подхода [28], тематический анализ как стратегия преодоления исторического релятивизма в науковедении [29] и исследование современных практик производства научного знания, включая квазиэкспериментальные инструменты — такие, как вычислительный эксперимент и компьютерное моделирование [30]. Все перечисленные направления объединяет общая проблема статуса модельных объектов

⁸ Обе кафедры являются преемниками кафедры диалектического материализма, выделившейся в 1946 г. из образованной в 1941 г. кафедры диалектического и исторического материализма (впоследствии кафедры вновь объединялись и окончательно разделились в 1960 г.). В августе 1988 г. кафедра была переименована в кафедру диалектического материализма и философии науки. В 1991 г. кафедра была упразднена и вместо нее созданы кафедра философии, в 2001 г. переименованная в кафедру онтологии и теории познания (первый заведующий — профессор, докт. филос. наук В.В. Миронов, возглавлявший кафедру до переименования с 1998 г., декан философского факультета с 1998 по 2020 г.), и кафедра философии и методологии науки (первый заведующий — канд. филос. наук, доцент А.В. Панин, декан философского факультета с 1988 по 1998 г.).

(теоретических предметно-ориентированных фикций, связанных со специфичными процедурами эмпирического предъявления), с одной стороны, всегда укорененных в человеческих познавательных способностях и социальных практиках, а с другой стороны, ценных лишь в той мере, в какой они объективируют инварианты структуры действительности, несводимые к произволу «недисциплинированного» воображения (познавательным способностям субъекта).

Обозначенная двойственность тесно связана с ключевой для онтологии проблемой фундаментальной не(до)определенности «реальности», которая всегда присутствует как горизонт (цель) и как неустраняемая предпосылка («то, от чего нельзя отказаться», как, со ссылкой на Х. Ортегу-и-Гассета, определяет реальность А.В. Чусов [28, 62]), но в фазе обретения определенности всегда оказывается «сконструированной», поскольку набрасываемая на нее модель, в отличие от реальности, *локальна* — исторична, теоретически нагружена, зависит от специфических инструментов предъявления и т.д. (применительно к аналогичному отношению науки как действительности к ее модели ср.: [1, 11]). Перефразируя пример П. Годфри-Смита, электроны несомненно существовали до того, как были открыты, но все средства обнаружения, обсуждения и применения модельного объекта «электрон» локальны и историчны, так что этот «реальный» электрон, предсуществующий понятию, растворяется в неопределенном «мире» и извлекается оттуда лишь с помощью локальных средств и характеристик. Поиск нелокальных инвариантных структур в этой ситуации должен миновать все формы наивного реализма, одним из современных выражений которого является «принцип материальности», ставящий доверие к экспериментальным данным в зависимость от степени сходства предмета и исследовательского инструмента по субстанции [30, 318–326]. Он должен прийти к более сложным формам связи между теоретическими объектами и предметом познания — к «континууму научных практик», варьирующих по степени непосредственности отношений с предметом и степени активных усилий по преобразованию этого предмета [30, 316], вариациям тематического анализа, предполагающего единство сюжетной структуры реальности, постепенно выявляемой и уточняемой в ходе исторического развития знания [29, 35–36], или к развитию марксистско-феноменологической теории объективации, в которой «можно понимать науку как сферу деятельности, где порождаются новые эмпирические, абстрактные и идеализированные реальности, которая лишь в конечном счете замыкается на практику (притом что реальность предстает как многообразие преобразуемых данных)» [28, 63].

Обращение к научным инструментам и практически значимым результатам предполагает внимание к этическим проблемам науки и техники, в частности к вопросам применения технологий искусственного интеллекта в медицине и иных областях социальной действительности. Н.Ю. Ключева отмечает, что «зачастую развитие технологий опережает гуманитарную рефлексию» и «области применения технологий ИИ включают в себя такие чувствительные сферы общественной жизни, как медицина и здравоохранение, государственное управление и судопроизводство, образование» [31, 56]. Ключева выделяет ряд функциональных характеристик ИИ, являющихся источником рисков и требующих философско-этического исследования и гуманитарной экспертизы, — автономность, непрозрачность, зависимость от используемых для обучения массивов данных и дискриминационный потенциал встроенных алгоритмов [31, 57–62]. А.М. Желнова, развивая тему применения искусственного интеллекта в медицине, отмечает завышенный характер ожиданий в отношении ИИ и необходимость соблюдать «правильный баланс между пациентом, доктором и машиной» [32, 41].

В числе других направлений исследований сотрудников кафедры — современный физикализм и перспективы естественно-научных методов в изучении сознания [33], методология конкретно-научных дисциплин, в частности значительное внимание уделяется экономической теории [34] и историческим наукам, в том числе исследованиям исторической памяти и прагматике ее воспроизводства [35], а также изысканиям в области истории мировой и российской науки [36].

Направления исследовательской работы кафедры онтологии и теории познания — это в определенном смысле ответ на описанную выше ситуацию принципиальной неопределенности и радикального усложнения мира и знания (и способов его производства) о мире. Радикально усложнился и сам исследовательский ландшафт философии, и мы уже сомневаемся, имеются ли у нас хорошие карты этого ландшафта. В любом случае, принципы его картографирования — это отдельная теоретическая и практическая проблема.

Конкретная исследовательская работа всегда определяется вопросами и проблемами. Как сегодня можно поддерживать и развивать философский проект теории познания, когда множество естественных, социальных и когнитивных наук претендует на выработку эмпирически обоснованного знания о знании, казалось бы, вытесняя философию из ее собственного исследовательского

поля [37]⁹? Как можно мыслить единство мира (и, соответственно, выстраивать онтологию) в ситуации, когда собственная философская работа и развитие конкретных научных дисциплин привели к концептуальной и эмпирической деконструкции столь многих философских фигур тождества [38]? Какие концептуальные и теоретические ресурсы онтологии могут быть задействованы и/или разработаны в исследовании способов существования появившихся принципиально новых типов сущностей (например, так называемых «цифровых объектов») и порождаемых ими эффектов реальности [39; 40]? Именами чего являются «материя» и «материализм», как возможно совмещение их метафизического и критического исследований, которые не упускали бы материю саму по себе [41, 42]? Как в современном интеллектуальном и культурном контексте может быть реконструирована история философской проблемы субъекта и поставлена заново (а также связанные с ней проблемы сознания и Другого) [43; 44; 45]?

При всем внимании, которое уделяется в кафедральных исследованиях современным и ультрасовременным направлениям философии (Science Technology Studies, деконструкция, акторно-сетевая теория, объектно-ориентированная онтология, постфеноменология, спекулятивный реализм, новый материализм и др.), неизменно значимым остается ее классическое наследие и вопрос о том, как оно может быть использовано в сегодняшних условиях в философской работе в области онтологии и теории познания [47; 48; 49]. Отдельным заслуживающим упоминания направлением является использование онтологических концептов в качестве исследовательских инструментов на территориях, выходящих за пределы поля чисто спекулятивного философского мышления (например, урбанистика, искусство, картография) [50; 51; 52; 53].

При всем разнообразии научной деятельности сотрудники кафедры принадлежат тому смысловому и мыслительному пространству (конституированному сложными формами наследования, различными напряжениями и разрывами), которое в конечном счете очерчивается классическими философскими вопросами: «что есть?» (онтология) и «откуда мы это знаем?» (теория познания). Это вопросы, которые мы вынуждены задавать снова и снова, ибо, как известно, «метафизика не умирает» [54].

⁹ Это вытеснение во многом парадоксально, так как не в последнюю очередь обеспечивается экспортом философских концептов в пространство эмпирических исследований знания. Случай акторно-сетевой теории рассмотрен в: [46].

Счастье и проклятье ученого заключается в том, что он всегда находится в начале пути, даже когда ему кажется, что он близок к пункту назначения. П. Галисон завершает свой очерк основных проблем современной философии и истории науки извинениями за то, что сумел предложить лишь «кратчайшие заметки, указывающие на некоторые отправные точки», и выражением надежды на то, что «некоторые из этих проблем, возможно, спровоцируют интересные мысли и споры — и это было бы очень хорошо» [16, 124]. Мы также надеемся, что проделанная кафедрами онтологии и теории познания и философии и методологии науки работа как минимум подтолкнет наших коллег к продуктивным дискуссиям и новым исследованиям, а может быть, поможет кому-то избавиться от бремени проклятия вечного возвращения и ощутить себя в начале пути совершенно счастливыми.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Писарев А., Гавриленко С. В поисках ускользающего объекта: наука и ее история // Логос . 2020. Т. 1, № 30. С. 1–28.
2. Вархотов Т.А. В поисках эпистемологии согласия: К 35-летию «Левиафана и воздушного насоса» (Steven Shapin, Simon Schaffer. *Leviathan and the air-pump: Hobbs, Boyle and experimental life*) // Логос. 2020. № 3 (30). С. 178–201.
3. Конт О. Дух позитивной философии. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2003. 256 с.
4. Косарева Л.М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. 360 с.
5. Daston L. Fear and loathing of the imagination in science // *Daedalus*. 1998. Vol. 127, N 1. P. 73–95.
6. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 220 с.
7. Фейерабенд П. Против метода: Очерк анархистской теории познания. М.: Хранитель, 2007. 413 с.
8. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
9. Хакинг Я. Представление и вмешательство: Введение в философию естественных наук. М.: Логос, 1998. 296 с.
10. Поппер К. Логика научного исследования. М.: Республика, 2005. 447 с.
11. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М.: АСТ, 2010. 384 с.
12. Бурдье П. Поле науки // Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2005. С. 473–517.
13. Ореховский П.А., Капогузов Е.А. Политико-экономические дискурсы централизации и децентрализации: образование и наука в России // *Федерализм*. 2024. Т. 29, № 1 (113). С.21–54.
14. Sismondo S. An introduction to science and technology studies. 2nd ed. Blackwell Publishing, 2010. 256 p.
15. Godfrey-Smith P. Theories and models in metaphysics // *Harvard Review of Philosophy*. 2006. Vol. 14. P. 4–19.

16. *Galison P.* Ten problems in history and philosophy of science // *Isis*. 2008. Vol. 99. P. 111–124.
17. *Rubinstein A.* Economic fables. Open Book Publishers, 2014. 264 p.
18. *Портнер Т.* Лукавые числа // *Логос*. 2020. Т. 3. № 30. С. 55–76.
19. *Шмид А.-Ф.* Конец философских времен: Как изменить философию, чтобы она могла участвовать в решении проблем реального мира? *Философия и проблемы реального мира* // *Another one*. 2023. Т. 1, № 1. С. 29–46.
20. *Вайнберг С.* Объясняя мир: Истоки современной науки. М: Альпина Нон-Фикшн, 2016. 474 с.
21. *Марков А.В.* Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М.: Астрель: CORPUS, 2010. 527 с.
22. *Шейпин С.* Как быть антинаучными // *Логос*. 2020. Т. 30, № 1. С. 159–185.
23. *Гавриленко С.М.* Венский кружок: парадоксальное наследие // *Эпистемология и философия науки*, 2024. Т. 61, № 1. С. 35–43.
24. *Бенда Ж.* Предательство интеллектуалов. М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. 312 с.
25. *Godfrey-Smith P.* Theory and reality: An introduction to the philosophy of science. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2003. 288 p.
26. *Hacking I.* The social construction of what? Harvard University Press, 1999. 261 p.
27. *Вархотов Т.А., Аласания К.Ю., Брызгалина Е.В., Гавриленко С.М., Рыжов А.Л., Шкомова Е.М.* Технонаука и этос ученого: контуры этики биобанкинга глазами российского научного сообщества (по результатам опроса специалистов в области биомедицины и смежных видов деятельности) // *ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЕНМА. Journal of Visual Semiotics)*. 2018. Вып. 4 (18). С. 61–83.
28. *Чусов А.В.* О перспективах развития методологии науки: моделирование, объективация, общая структура метода // *Вопросы философии*. 2012. № 1. С. 60–70.
29. *Вархотов Т.А.* Против релятивизма: историческая эпистемология в поисках универсалий // *Эпистемология и философия науки*. 2017. Т. 51. № 1. С. 33–38.
30. *Волошин М. Ю.* Принцип материальности в эпистемологии компьютерных симуляций // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2024. Т. 8, № 3. С. 310–335.
31. *Клюева Н.Ю.* Этико-прикладные аспекты применения технологий искусственного интеллекта // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2021. № 5. С. 52–66.
32. *Желнова А.М.* Амбивалентность» как метод исследования в философии медицины // *Вестник Московского ун-та. Серия 7. Философия*. 2021. № 6. С. 36–43.
33. *Проволович Т.О.* Сознание и объективные научные методы в философии и нейронауках // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2022. № 2. С. 53–60.
34. *Кошовец О.Б., Фролов И.Э., Чусов А.В.* Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки // *Философия и общество*. 2015. № 1. С. 156–176.
35. *Шестакова М.А.* Изображения и зрелища как средства формирования исторической памяти // *Философия и общество*. 2022. № 4 (105). С. 57–70.
36. *Печенкин А.А.* Борьба против идеализма в квантовой химии в СССР и дискуссии XXI в. // *Вопросы философии*. 2024. № 7. С. 114–124.
37. *Сокулер З. А.* Философская теория познания: будущее под вопросом // *Вопросы философии*. 2017. № 12. С. 79–90.
38. *Кузнецов В.Ю.* Постнеклассическое единство мира. М.: Рипол-классик, 2022. 464 с.

39. Миронов В.В., Сокулер З.А. Тоска по истинному бытию в цифровой культуре // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. № 1. С. 3–22.
40. Косилова Е.В., Миронов В.В., Сокулер З.А., Фролов А.В., Шапошников В.А. Бытие, познание и человек в цифровую эпоху. М.: Издатель Воробьев А.В., 2019. 184 с.
41. Ветушинский А.С. Во имя материи: Критические и метафизические исследования. Пермь: Hyle Press, 2018. 158 с.
42. Писарев А.А. Картографируя новую материальность: навигационные уставки и картины мира // Логос. 2022. Т. 32, № 6. С. 159–182.
43. Алексеева Д.А. Взаимодействие с Другим в контексте феноменологии путешествия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 1. С. 234–240.
44. Косилова Е.В. Парадигмы субъектности. СПб.: Алетейя, 2021. 168 с.
45. Сокулер З.А., Косилова Е.В., Толстов А.Б. Сознание и понимание: Деннет, Гуссерль, Витгенштейн // Logos et Praxis. 2023. Т. 22, № 3. С. 84–96.
46. Писарев А.А., Астахов С.С., Гавриленко С.М. Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // Логос. 2017. Т. 27, № 1. С. 1–40.
47. Фомин А.Л. Философско-герменевтическая концептуализация времени. М.: НИПКЦ Восход-А, 2010. 140 с.
48. Дмитриев В. Е. Истина как трагедия метафизики // Поиск истины как аксиологическая парадигма гуманитарного знания: прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей. М., 2018. С. 39–48.
49. Фролов А.В. Конституирование смысла vs. открытие реальности: как возможна феноменология сегодня 2.0? // Horizon. Феноменологические исследования. 2023. Т. 12, № 3. С. 554–569.
50. Вилейкис А.И., Ханова П.А. Город — гиперобъект: Введение // Городские исследования и практики. 2021. Т. 6, № 4. С. 7–16.
51. Полякова С.В. Русское Нигде как пространство семиозиса: к истории одной выставки // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 1. С. 146–164.
52. Гавриленко С.М. Мир на поверхности: «Послы» и земной глобус Ганса Гольбейна Младшего // Логос. 2023. Т. 33, № 1. С. 157–186.
53. Писарев А.А., Алехина А.В. Исполнять технотанку: Art&Science с точки зрения современной метафизики // Логос. 2024. Т. 34, № 1. С. 131–177.
54. Миронов В.В. Метафизика не умирает: Избранные статьи, выступления и интервью. М.: РГ-Пресс, 2020. 488 с.

REFERENCES

1. Pisarev A., Gavrilenco S. In search of an evanescent object: Science and its history. *Logos*. 2020. Vol. 1, N 30. P. 1–28. (In Russ.)
2. Varkhotov T.A. In search of an epistemology of assent: On the 35th Anniversary of Leviathan and the air-pump. *Logos*. 2020. Vol. 3, N 30. P. 178–201. (In Russ.)
3. Kont O. Dux pozitivnoj filosofii. Rostov-na-Donu: "Feniks", 2003. 256 p. (In Russ.)
4. Kosareva L.M. Rozhdenie nauki Novogo vremeni iz duxa kul'tury. Moscow: Izdatel'stvo "Institut psixologii RAN", 1997. 360 p. (In Russ.)
5. Daston L. Fear and loathing of the imagination in science. *Daedalus*. 1998. Vol. 127, N 1. P. 73–95.
6. Fleck L. Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi, 1999. 220 p. (In Russ.)

7. Feyerabend P. Protiv metoda: Ocherk anarxistskoj teorii poznaniya. Moscow: Khranitel', 2007. 413 p. (In Russ.)
8. Latour B. Nauka v dejstvii: sleduya za ucheny`mi i inzhenerami vnutri obshhestva. Saint Petersburg.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 414 p. (In Russ.)
9. Hacking I. Predstavlenie i vmeshatel'stvo: Vvedenie v filosofiyu estestvenny`x nauk. Moscow: Logos, 1998. 296 p. (In Russ.)
10. Popper K. Logika nauchnogo issledovaniya. Moscow: Respublika, 2005. 447 p. (In Russ.)
11. Feyerabend P. Nauka v svobodnom obshhestve. Moscow: AST, 2010. 384 p. (In Russ.)
12. Bourdieu P. Pole nauki. In: Bourdieu P. Social'noe prostranstvo: polya i praktiki. Moscow; SPb., 2005. P. 473–517. (In Russ.)
13. Orekhovskiy P.A., Kapoguzov E.A. Political and economic discourses of centralization and decentralization: Education and science in Russia. *Federalism*. 2024. Vol. 29, N 1. P. 21–54. (In Russ.)
14. Sismondo S. An introduction to science and technology studies. 2nd ed. Blackwell Publishing, 2010. 256 p.
15. Godfrey-Smith P. Theories and models in metaphysics. *Harvard Review of Philosophy*. 2006. Vol. 14. P. 4–19.
16. Galison P. Ten problems in history and philosophy of science. *Isis*. 2008. Vol. 99. P. 111–124.
17. Rubinstein A. Economic fables. Open Book Publishers, 2014. 264 p.
18. Porter T. Funny numbers. *Logos*. 2020. Vol. 3, N 30. P. 55–76. (In Russ.)
19. Schmid A.-F. The end of philosophical times: How to change philosophy so that it can participate in solving the problems of the real world? Philosophy and the problems of the real world. *Another one*. 2023. Vol. 1, N 1. P. 29–46. (In Russ.)
20. Weinberg S. Obyasnyaya-mir: istoki-sovremennoj nauki. Moscow: Alpina Non-Fikshn, 2016. 474 p. (In Russ.)
21. Markov A.V. Rozhdenie slozhnosti. E`volucionnaya biologiya segodnya: neozhidanny`e otkry`tiya i novy`e voprosy`. Moscow: Astrel': CORPUS, 2010. 527 p. (In Russ.)
22. Shapin S. How to be antiscientific. *Logos*. 2020. Vol. 30, N 1. P. 159–185. (In Russ.)
23. Gavrilenko S.M. The Vienna circle: A paradoxical heritage. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2024. Vol. 61, N 1. P. 35–43. (In Russ.)
24. Benda Zh. Predatel'stvo intellektualov. Moscow: IRISE`N, My`sl', Sotium, 2009. 312 p. (In Russ.)
25. Godfrey-Smith P. Theory and reality: An introduction to the philosophy of science. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2003. 288 p.
26. Hacking I. The social construction of what? Harvard University Press, 1999. 251 p.
27. Varkhotov T.A., Alasania K.Y., Bryzgalina E.V., Gavrilenko S.M., Ryzhov A.L., Shkumova E.M. Techno-science and the scientific ethos: the outlines of ethics of biobanking through the eyes of the Russian scientific community (based on a survey of specialists in the field of biomedicine and related research activities). *ИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2018. Issue 4 (18). P. 61–83. (In Russ.)
28. Chusov A.V. O perspektivax razvitiya metodologii nauki: modelirovanie, ob`ektivatsiya, obshchaya struktura metoda. *Voprosy Filosofii*. 2012. N 1. P. 60–70. (In Russ.)
29. Varkhotov T.A. Contra relativism: Historical epistemology in search of universals. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2017. Vol. 51, N 1. P. 33–38. (In Russ.)
30. Voloshin M. The “materiality principle” in studies of the epistemology of computer simulations. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. 2024. Vol. 8, N 3. P. 310–335. (In Russ.)

31. Klyueva N.Yu. Applied ethical issues of artificial intelligence. *Lomonosov Philosophy Journal*. 2021. N 5. P. 52–66. (In Russ.)
32. Zhelnova A.M. “Ambivalence” as a method of research in the philosophy of medicine. *Lomonosov Philosophy Journal*. 2021. N 6. P. 36–43. (In Russ.)
33. Provolovich T.O. Consciousness and objective scientific methods in philosophy and neuroscience. *Lomonosov Philosophy Journal*. 2022. N 2. P. 53–60. (In Russ.)
34. Koshovecz O.B., Frolov I.E., Chusov A.V. Ontologicheskij analiz otnosheniya teorii i real'nosti v metodologii e'konomicheskoy nauki. *Filosofiya i obshchestvo*. 2015. N 1. P. 156–176. (In Russ.)
35. Shestakova M.A. Izobrazheniya i zrelishta kak sredstva formirovaniya istoricheskoy pamyati. *Filosofiya i obshchestvo*. 2022. N 4 (105). S. 57–70. (In Russ.)
36. Pechenkin A. The struggle against idealism in quantum chemistry in the USSR and discussions of XXI century. *Voprosy Filosofii*. 2024. N 7. P. 114–124. (In Russ.)
37. Sokuler Z.A. Philosophical theory of cognition: the future in question? *Voprosy Filosofii*. 2017, N 12. P. 79–90. (In Russ.)
38. Kuznetsov V.J. Postneklassicheskoe edinstvo mira. Moscow: Ripol-klassik, 2022. 464 p. (In Russ.)
39. Mironov V.V., Sokuler Z.A. Longing for true objective reality in digital culture. *Lomonosov Philosophy Journal*. 2018. N 1. P. 3–22. (In Russ.)
40. Kosilova E.V., Mironov V.V., Sokuler Z.A., Frolov A.V., Shaposhnikov V. A. Bytie, poznanie i chelovek v cifrovuyu epohu. Moscow: Izdatel' Vorob'ev A.V., 2019. 184 p. (In Russ.)
41. Vetushinskiy A.S. Vo imya materii: Kriticheskie i metafizicheskie issledovaniya. Perm: Hyle Press, 2018. 158 p. (In Russ.)
42. Pisarev A.A. Mapping new materiality: navigational dispositions and worldviews. *Logos*. 2022. Vol. 32, N 6. P.159–182. (In Russ.)
43. Alekseeva D.A. Interaction with Another in a context of phenomenology of travel. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2013. N 1. P. 234–240. (In Russ.)
44. Kosilova E.V. Paradigmy sub'ektnosti. Saint-Peterburg: Aletejya, 2021. 168 p. (In Russ.)
45. Sokuler Z.A., Kosilova E.V., Tolstov A.B. Consciousness and understanding: Dennett, Husserl, Wittgenstein. *Logos et Praxis*. 2023. Vol. 22, N 3. P. 84–96. (In Russ.)
46. Pisarev A.A., Astakhov S.S., Gavrilenko S.M. Actor-network theory: An unfinished assemblage. *Logos*. 2017. Vol. 27, N 1. P. 1–40. (In Russ.)
47. Fomin A.L. Filosofsko-germenevticheskaya konceptualizaciya vremeni. Moscow: NIPKC Voskhod-A, 2010. 140 p. (In Russ.)
48. Dmitriev V.E. Istina kak tragediya metafiziki. In: Poisk istiny` kak aksiologicheskaya paradigma gumanitarnogo znaniya: proshloe, nastoyashhee, budushhee: Sbornik statey. Moscow, 2018. P. 39–48. (In Russ.)
49. Frolov A.V. Constitution of meaning vs discovery of reality: how is transcendental phenomenology possible today 2.0? *Horizon. Studies in Phenomenology*. 2023. Vol. 12, N 3. P. 554–569. (In Russ.)
50. Vileykis A., Khanova P. The city as a hyper-object: Introduction. *Urban Studies and Practices*. 2021. Vol. 6, N 4. C. 7–16. (In Russ.)
51. Polyakova S.V. Russian Nowhere as a space of semiosis: towards the history of one exhibition. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. 2022, N 1. P. 146–164. (In Russ.)
52. Gavrilenko S.M. The world on the surface: The ambassadors and the globe of Hans Holbein the Younger. *Logos*. 2023. Vol. 33, N 1. P. 157–186. (In Russ.)

53. Pisarev A.A., Alekhina A.V. Enacting technosvience: Art&Science from the contemporary metaphysics perspective. *Logos*. 2024. Vol. 34, N 1. P. 131–176. (In Russ.)

54. Mironov V.V. Metafizika ne umiraet: Izbrannye stat'i, vystupleniya i interv'yū. Moscow: RG-Press, 2020. 448 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Вархотов Тарас Александрович — кандидат философских наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой философии и методологии науки философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, +7 (495) 939-24-09; varkhotov@gmail.com

Гавриленко Станислав Михайлович — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой онтологии и теории познания философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: +7 (495) 939-14-21; o-s@proc.ru

Information about the authors:

Taras A. Varkhotov — Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor, Acting Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, tel.: +7 (495) 939-24-09; varkhotov@gmail.com

Stanislav M. Gavrilenco — Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Ontology and Gnoseology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, tel.: +7 (495) 939-14-21; o-s@proc.ru

Поступила в редакцию 04.09.2024;
принята к публикации 07.10.2024